

Глава 2

ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЛЕКСА ПОСТРОЕК И ВОТЧИНЫ КИРИЛЛО-НОВОЕЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

§ 1. Храмы и хозяйственные постройки

Исследователи неоднократно отмечали общую черту в размещении монастырей: их привязанность к течению рек, озер, к источникам, бьющим из земли.¹ Кирилло-Новоезерский монастырь находится на Красном острове, расположенном в Белозерском уезде посреди Нового озера. Источники XVI–XVII вв. не позволяют восстановить планировку монастыря, однако по ним можно проследить изменение его облика, перестройку храмов, появление новых хозяйственных построек.

Кирилло-Новоезерский монастырь был основан Кириллом Белым в начале XVI в. Согласно его житию, монах, оказавшись на Красном острове, «от трудов своих постави келейцу малу и другую келию близ тоя на собрание братии».² Через год после своего появления в этих краях он построил две церкви: «Во приидущее же лето постави церковь малу во имя Воскресения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и вторую церковь во имя Пречистыя Богоматери, честнаго и славнаго ея Одигитрия».³ Таким образом, в Первоначальной редакции Жития преп. Кирилла (датированной Т. Б. Карбасовой началом 1580-х гг.⁴) говорится о постройке сразу двух церквей. Неизвестно, действительно ли сам Кирилл Белый соорудил две церкви, но их существование уже

---

¹ *Кольчева Е. И.* Православные монастыри второй половины XV — XVI века. С. 95.

² Житие Кирилла Новоезерского / Подгот. текста, пер. и коммент. Т. Б. Карбасовой // БЛДР. Т. 13. СПб., 2005. С. 372.

³ Там же.

⁴ *Карбасова Т. Б.* Историческая редакция жития Кирилла Новоезерского // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. СПб., 2001. Вып. 4. С. 113.

в 1542 г. подтверждается в грамоте Ивана Грозного, адресованной «в дом к Воскресению Христову и Пречистой Богоматери Одегитрии».⁵

К 1581 г. относится первая сохранившаяся опись монастырского имущества. В ней отмечаются оба храма: большая церковь Воскресения Христова с приделом Николы Чудотворца⁶ (придел находился «вверху на полатях»⁷) и «церковь Пречистые Одегитрие топлая и с трапезою и с келарскою».⁸ Необходимо отметить, что описанию церкви Одегитрии предшествует запись: «В прибыле после Леонтьевы отписи Ошанина».⁹ Опись Леонтия Ошанина проводилась в 1578/79 г.; возможно, церковь перестраивалась и поэтому не была описана.

Кроме двух церквей, согласно описи 1581 г., на территории монастыря находились: часовня, в которой помещалась «гробница» преп. Кирилла, колоколя («на колокольнице двои колокола, одне меншиє, а другіє болшиє»;¹⁰ в приходе-расходной денежной книге 1562/63 г. имеется свидетельство о покупке двух колоколов,¹¹ следовательно, можно предположить, что в то время она уже существовала); восемь келий; поварня «исть варить»,¹² в которой описывались «суды», котлы медные, сковородки, солоница — это были, вероятно, те предметы, которыми пользовались непосредственно для приготовления пищи (основная часть хозяйственной утвари хранилась в казне); кузница («на ковалне: два бурова болших, судовых, три молота болших, два малых, пятеры клещи, тритцать две крицы железа»)¹³ и гостиный двор («дворец гостин»).¹⁴ Известно о существовании житницы, однако ее местонахождение не указывается (возможно, она находилась вне монастыря).

К 1599 г. относятся сведения о ремонтных работах в церкви Одегитрии: в расходной книге говорится, что «трапезу крыли, Касьян, найму дал 10 алтын».¹⁵ Возможно, с этой записью связаны другие в той же расходной книге: «...гвоздья купил тысячу, дал 5 алтын, кресты обивать, <...> да <...> Феларет нанел церковных мастеров, а рядил найму три рубли двадцать алтын, а зададька дал рубль, да <...> казна-

⁵ РГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии). Оп. 2. № 782.

⁶ СПбИИ РАН. Кол. 115. Д. 663. Л. 3.

⁷ Там же. Л. 6 об.

⁸ Там же. Л. 8.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 10 об.

¹¹ Там же. Д. 662. Л. 6.

¹² Там же. Д. 663. Л. 12.

¹³ Там же. Л. 11 об.

¹⁴ Там же. Л. 12.

¹⁵ Там же. Д. 662. Л. 45.

чей купил гвоздья тесово две тысячи, а дал сорок алтын восемь денег». ¹⁶

В 1605 г. монастырь получил благословенную грамоту митрополита Ростовского и Ярославского Кирилла на сооружение новой церкви, так как ему бил челом черный поп Леонид «з братьею» и жаловался, что «храм теплой во имя Пречистой Богородицы Одигитрии поднялся тому третьей год». Митрополит благословил «на тот храм лес готовити, и новый храм во имя Пречистой Богородицы воздвигнути на старом погорелом месте». Это свидетельствует о том, что в 1602 г. в монастыре случился пожар, в результате чего сгорела церковь Пречистой Богородицы.

Интересна процедура постройки церковного здания, регламентированная в этой грамоте. Сначала готовили лес и «очищали церковное место». Затем черный священник или игумен «на старом церковном месте, проговоря молитвы, на основании святого храма пел молебны и воду святил, и святою водою церковное место кропил». Только после этого следовало «обложить новый храм». По окончании постройки настоятель или посланный им «черный поп» должны были ехать в Ростов за антимином, который следовало взять у «богородицкого соборного протопопа». На освящение храма приглашали из Белоозера «протопопа или попа или дьякона соборных». ¹⁷

В описи 1614 г. при описании состояния построек и внутреннего убранства церковей часто встречаются фразы, свидетельствующие о бедственном положении монастыря. Например, в Воскресенской церкви «были четыре свечи местные, те свечи переломаны, воск перегрет в кругах», «на престоле же Евангелъе <...> обложено камкою черною, камка ветха», «сосуды церковные <...> покровцы на них зенденные полиняли...», ¹⁸ «книга Соборник да Мытарь <...> ветха, измочен[а]», ¹⁹ «гостинный двор обвалился весь и ворот нет, поставлена изба, внутри не утеплено», ²⁰ «келей на монастыре пять, кровли на них огнили и от озера подмыло, в оных и жити нельзя». ²¹ Колокольная, зафиксированная в 1581 г., в 1614 г. исчезла, а колокола находились «у церкви Воскресения Христова в паперти двое». ²² Вероятно, запустение в монастыре было вызвано ситуацией в стране, связанной со «смутным временем», и продолжалось не один год.

¹⁶ Там же. Л. 41 об.

¹⁷ РГАДА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 15.

¹⁸ СПбИИ РАН. Кол. 115. Д. 663. Л. 20–21 об.

¹⁹ Там же. Л. 29.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же. Л. 27.

Для того, чтобы починить протекавшую крышу церкви Воскресения Христова, старцы, судя по данным приходной денежной книги 1612 г., были вынуждены просить милостыню на починку кровли: «Ондрей старец с образом собрал о чюдотворцове пямете на кровлю 12 алтын».²³ Нужды старцев не остались без внимания: «Дал Андрей Иванов сын с Шиднева два алтына в кровлю Воскресению Христову»,²⁴ «дал Ивона Михайлов сын Кустовец на кровлю 6 алтын 4 денег». Из описи 1614 г. известно, что «храм поделан в 120 году» (т. е. 1611/1612 г.).²⁵

Описание внешнего вида обоих монастырских храмов в 1614 г. соответствует описанию 1581 г.: Воскресенская церковь «деревянная, в верхе шатер с приделом Николы Чюдотворца», церковь Одигитрии «теплая, верх клетчатой, на подклете, с трапезой и келарской».²⁶ То же касается и часовни над «гробницей» Кирилла Белого. Несмотря на то, что «литовские люди» ободрали оклад имевшегося в ней образа Спаса,²⁷ в 1614 г. она, судя по описи, имела вполне благолепный облик: «Часовня, а в ней над Преподобным Кириллом Чюдотворцем гробница облочене крашениною черной, покровец отлас дымчат, на нем крест крашениной шит»²⁸ (ср. в 1581 г.: «В часовне над Преподобным Кириллом гробница облочена крашениною черною. А покров на гробнице отлас вешневой посконной, на нем крест шит темно-синь»²⁹).

В 1614 г. монастырь владел тремя житницами. Две из них находились, вероятно, непосредственно в монастыре, но они «огнили и хлеба держать нельзя».³⁰ Третья житница, которая также «огнилась», находилась в монастырском селе Рожаве.³¹ В монастыре было гумно, в котором хранился хлеб.

К 1631 г., к которому относится следующая сохранившаяся опись, основные повреждения были устранены. Однако проследить ход восстановительных работ имеющиеся в наличии источники не позволяют.

²³ СПбИИ РАН. Кол. 115. Д. 662. Л. 79.

²⁴ Там же. Л. 82.

²⁵ Там же. Д. 663. Л. 18 об.

²⁶ Там же. Л. 25 об.

²⁷ При описании икон часовни отмечен «образ Спасов обложен медью, оклад золочен, тогда образ ободрали литовские люди» (л. 27). Это единственное непосредственное указание в описях на пребывание интервентов в Кирилло-Новоезерском монастыре в Смутное время.

²⁸ СПбИИ РАН. Кол. 115. Д. 663. Л. 26 об.—27.

²⁹ Там же. Л. 7 об.

³⁰ Там же. Л. 45.

³¹ Там же. Л. 29 об.

В расходных денежных книгах есть лишь одно свидетельство: в 1624 г. в церкви Одигитрии «крыли трапезу и келарскую тесом».³²

Согласно описи 1631 г., в монастыре было две церкви (во имя Воскресения с приделом Николы Чудотворца³³ и Богородицы Одигитрии с трапезной³⁴), часовня с «гробницей» Кирилла Белого,³⁵ «колокольница, рубленая шатром».³⁶ На ней находились 4 старых колокола, «благовесной колокол весом 15 пуд», пожалованный Михаилом Федоровичем; 2 колокола, на них «потпись немецкая», пожалованные им же; 2 колокола, данные Борисом и Михаилом Салтыковыми, и 2 колокола — Степаном Кузьминым. Перед папертью церкви Одигитрии также находилось два колокола, пожалованные Анной Ивановной и ее сыном Алексеем Никитичем Годуновыми. Всего в монастыре отмечалось 13 колоколов.³⁷ Другие постройки в описи не указаны, однако ясно, что их перечень неполон, так как в монастыре должны были быть, по крайней мере, кельи. Вокруг обители появилась «ограда деревяна, по острову рубленая» и Святые ворота, которые были «зделаны при игумене Тите во 135-м (1626/27) г.: над враты — деисус девять образов, данные Анны Ивановны Годуновы да сына ее Алексея Никитича Годунова».³⁸ В расходной книге 1626 г. в ноябре записано, что Митя кузнец «ковал пятсот гвоздил на Святые ворота». Известно также о существовании тех же трех житниц, что и в 1614 г.³⁹

Судя по описям 1631, 1632, 1634 и 1638 гг., облик церквей, часовни и колокольни, а также количество колоколов к 1638 г. не изменились. В описи 1638 г. в монастыре было зафиксировано 8 келий, из них «четыре кили новых да четыре старых».⁴⁰

Однако не все монастырские постройки в 1638 г. находились в хорошем состоянии. Известно, что «около монастыря ограда изгнила и обвалилась, да Святыми воротми Божия милосердия одинатцать образов на вохре».⁴¹ Церковь Одигитрии к 1642 г. настолько обветшала, что монастырские старцы в челобитной ростовскому митрополиту Варлааму писали: «церковь ветха, развалилась и служить нельзя».

---

³² Там же. Д. 662. Л. 123 об.

³³ Там же. Д. 663. Л. 45 об.

³⁴ Там же. Л. 52.

³⁵ Там же. Л. 50–50 об.

³⁶ Там же. Л. 59.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Л. 64.

³⁹ Там же. Л. 63–63 об.

⁴⁰ Там же. Л. 140.

⁴¹ Там же. Л. 140–140 об.

Митрополит благословил братию на постройку нового храма. Старую церковь рекомендовалось разобрать и «во едино место скласти, и огородити, чтоб некоторая нечистота не прикасалась». Кроме того, митрополит тщательно регламентировал «утилизацию» священных предметов из старой церкви: «Под церковным подмостом в ысподи иных приделов и престолов отнюдь не приделывати, а старой церкви с престола святыи антиминс положил ты бы в новую церковь нового престола с восточную страну в правой столбец, а старую индиктию и срачицу, свив старым препоясанием, вервью, приложить в той же новой церкви под престол, а старого престола верхнюю цку и стил Богородицын и подножие велели бы вы под церковию у стороны в землю закопать». Процесс постройки и освящения, судя по благословенной грамоте, должен был протекать так же, как и в 1605 г.⁴²

В 1644 г. монастырь получил новую грамоту от митрополита с благословением на постройку придела в память Алексея человека Божия. Митрополит предписал устроить этот придел «на старом церковном месте, подавая на восток немного».⁴³

В следующей сохранившейся описи, относящейся к 1646 г., церковь Одигитрии не упоминается, только про трапезу сказано, что в ней кандия медная. Вероятно, к храму Одигитрии относится запись «храм делают новой мастера».⁴⁴ В расходной денежной книге 1646 г. есть свидетельство, что «церковным плотником дано за церковное строение теплого храму 10 рублей». «Да в теплом храму кирпичики мосты клали и трубу выкладывали, дано им досталь найму 1,5 рубли».⁴⁵

В этой же расходной книге есть еще несколько записей, в которых не указано название храма, поэтому их можно отнести и к храму Одигитрии, и к новому храму, поставленному в 1646 г. на месте часовни: «За храмовое строение церковным плотником досталных денег найму 16 алтын 14 деньги»; «в новой церкви Парфен с товарищи делали тябла, от дела им дано 10 алтын»; «на освещение храму в Ростове у митрополита имали антиминсы, дано под антиминсы 40 алтын, ходаку дано, кой в Ростов ходил...».⁴⁶ Возможно, некоторые предметы, купленные в этом году, предназначались для церкви Одигитрии: «...в церковь куплено зеркало, дано 5 алтын <...> паникадило в церковь купил, дал рубль 23 алтына 2 деньги».⁴⁷

⁴² РГАДА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 27.

⁴³ Там же. Д. 31.

⁴⁴ СПбИИ РАН. Кол. 115. Д. 663. Л. 156 об.

⁴⁵ Там же. Д. 662. Л. 299–300.

⁴⁶ Там же. Л. 303 об.

⁴⁷ Там же. Л. 300 об.

Характеристики храма Воскресения Христова⁴⁸ и часовни⁴⁹ в описи 1646 г. соответствуют более ранним, то же касается колокольни.⁵⁰ Кроме того, в описи упомянуты хозяйственные помещения, не известные по прежним описям: хлебня, поварня, помещение под церковью Воскресения Христова, сушило, погреб (возможно, не один, так как указано, что «у погребов же два замка висячих да замок нутряной»⁵¹). Впервые после 1614 г. отмечается «дворец приезжей гостиной и конюшенной, а на дворце изба с сенми новая, другая изба ветчаная с сенми и с клетью, да конюшно, да сенник да сарай ветхи».⁵² Количество келий по сравнению с 1638 г. уменьшилось на одну: «От хлебни и от ворот хлебных до Святых ворот семь келей новых и ветчаных».⁵³ Монастырская ограда не упомянута, однако описываются «врата Святые, рублены в замок, у ворот замок з запором железным, а на воротех образ «О суете человеческого жития», да на воротех с приходу образ Спасов Нерукотворенный, да в тех же воротах деисус восемь образов на празелене».⁵⁴ Кроме того, упомянуто необычно много житниц — семь: три в монастыре и четыре в монастырском селе. Это максимальное количество житниц, упоминаемое за весь рассматриваемый период.

В описи 1649 г. впервые встречается описание новой церкви Одигитрии. Она выглядела следующим образом: «Церковь теплая во имя Пречистые Богородицы Одигитрие новой с трапезой на подклете, верх шатровой, да предел Алексея человека Божия».⁵⁵ Таким образом, к церкви был пристроен придел. В 1649 г. не изменилась ситуация на колокольне — там по-прежнему было «колоколов тринацать, болших и малых».⁵⁶

В 1649 г. монастырь получил благословенную грамоту митрополита Ростовского и Ярославского Варлаама на строительство новой каменной церкви Воскресения Христова на средства боярина Б. И. Морозова. При этом митрополит «престолы <...> в церкви и в пределех велел учредить посреди олтарей, а к стене престолов отнюдь не приделывать».⁵⁷ Старую деревянную церковь следовало «разобрать и воздвигнути того ж монастыря в пустынке на Андозере».⁵⁸ Митрополит «ве-

⁴⁸ Там же. Д. 663. Л. 148 об.

⁴⁹ Там же. Л. 156 об.

⁵⁰ Там же. Л. 154.

⁵¹ Там же. Л. 159 об.

⁵² Там же. Л. 161.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. Л. 160 об.—161.

⁵⁵ Там же. Л. 186 об.—187.

⁵⁶ Там же. Л. 192.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 33.

⁵⁸ Там же.

лел белой камень и кирпичь и известь и всякой каменной запас готовить».⁵⁹ Продолжались работы и в церкви Одигитрии. В апреле 1651 г., согласно записям расходной книги, «в теплом храму опускали потолок и подволоку и крылосы переделывали, и от того дела дано 1,5 рубли».⁶⁰

Поставка кирпича для строительства была возложена на монастырских крестьян. В 1652 г. они поставили более 45 тыс. кирпичей. Кроме того, для строительства были наняты около 20 церковных каменщиков, среди них «подвящик» и «подмастерье». Им платили по 12 денег, тогда как рядовым каменщикам — по 8 денег за 3 рабочих дня.⁶¹

Как уже было сказано, церковь возводилась на средства боярина Бориса Ивановича Морозова, приписывавшего молитвам преподобного свое благополучное возвращение в Москву после известного бунта 1648 года.⁶² Б. И. Морозов пожертвовал на строительство каменного храма большие суммы денег, всего 900 рублей.⁶³ Этим участие Бориса Морозова в обустройстве храма не ограничилось. При описании икон в церкви часто встречалась запись: «Даяние те образы боярина Бориса Морозова».⁶⁴

В 1649 г. в Кирилло-Белозерский монастырь архимандриту Афанасию была направлена благословенная грамота митрополита Варлаама, в которой предписывалось к новому храму Воскресения Христова, уже имевшему два придела (во имя преп. Кирилла Белого и Дмитрия Солунского), пристроить еще один придел во имя Николы Чудотворца, «как в прежнем деревянном храме было».⁶⁵

Деньги на строительство церкви были переданы бывшему строителю Кирилло-Новоезерского монастыря Ионе Палицыну, являвшемуся в то время монахом Кирилло-Белозерского монастыря. Поэтому можно предположить, что Кирилло-Белозерский монастырь каким-то образом курировал строительство каменного храма в Кирилло-Новоезерском монастыре.

Процесс улучшения коснулся и часовни над гробом Кирилла. В описи 1649 г. часовня не упомянута, вместо нее описан «храм нов, поставлен древян над чудотворцом Кирилом».⁶⁶ Таким образом, к 1649 г. появились два новых храма и один находился в процессе строительства. Дальнейшую судьбу этого храма можно попытаться проследить,

⁵⁹ РГАДА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 33.

⁶⁰ СПбИИ РАН. Кол. 115. Д. 662. Л. 312 об.

⁶¹ РГАДА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 41.

⁶² Голубинский Е. Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. С. 130.

⁶³ РГАДА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 281. Л. 103–103 об.

⁶⁴ Приложение 6, с. 295–296.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 118.

⁶⁶ СПбИИ РАН. Кол. 115. Д. 663. Л. 183 об.

используя данные приходной книги 1650–1651 гг. В ней указано, что были «наняты плотники Давыд Терентьев да Парфен Абрамов над чудотворцом храм деревяной с места разобрать и у Пречистые на Андозере храм тот же на месте собрать и поставить, дано им обеим от дела 6 рублей <...> Да тот же храм подрубить и кровли переправить, дано им же, плотникам, от дела денег 2 рубля».⁶⁷ Эти записи относятся к сентябрю 1650 г. А в декабре 1650 г. храм уже был, вероятно, освящен на новом месте. Об этом свидетельствует следующая запись в расходной книге: «Имали в Ростове антиминос к Пречистой на Андозере, стало 26 алтын 4 деньги».⁶⁸ Можно предположить, что перевоз храма в Андозерский монастырь был связан со строительством новой большой церкви во имя Воскресения Христова (см. выше) и обретением мощей преп. Кирилла.

Из жилых помещений в описи 1649 г. упоминаются 8 келий. Гостиный двор в ней не описан, но в расходной денежной книге 1650–1651 гг. имеется свидетельство, что в январе 1651 г. «на гостине дворце делали в горнице и в подклете и в повалыше нутро да лестницу да сени, дано плотником от того дела найму 3 рубли денег».⁶⁹ Святые ворота в 1649 г. описываются следующим образом: «...рубляные, брусяные, над воротаы образ Господь Вседержитель, да деисус восемь образов; с другой стороны с монастыря — Образ о суете мира сего — притча».⁷⁰ Из хозяйственных помещений в описи 1649 г. упомянуты поварня и сушило, в котором было два погреба. В 1650 г. в приходной денежной книге есть упоминание о том, что в хлебне делали очаг, «от очага в хлебне от кладенья дано 2 алтына».⁷¹ Помимо постройки церкви, в эти годы велось и хозяйственное строительство. В августе 1651 г. была построена новая житница («На Селе житницу рубил, дано <...> найму 2 рубли»)⁷².

Опись 1657 г. впервые содержит описание новой каменной церкви: «Храм настоящей во имя Воскресения Господа Бога и Спаса Нашего Исуса Христа с пределы, каменной шатровой. Четыре главы обиты железом белым, на трех шатровых главах кресты позолочены, а на четвертой главе крест поен железом белым, а у тех четырех крестов чеши железные».⁷³ Новая церковь имела три придела. По правую сторону располагался придел преп. чудотворца Кирилла Белого, а по левую — приделы Николы Чудотворца и Дмитрия Солунского.

⁶⁷ Там же. Д. 662. Л. 306.

⁶⁸ Там же. Л. 309.

⁶⁹ Там же. Л. 311.

⁷⁰ Там же. Д. 663. Л. 188.

⁷¹ Там же. Д. 662. Л. 306.

⁷² Там же. Л. 314 об.

⁷³ Там же. Д. 663. Л. 212 об.–213.

В это время в самой церкви находился гроб преп. Кирилла: «На правой стороне к пределу преподобного чудотворца Кирила Белого гроб его, чудотворцов». ⁷⁴ Мощи преподобного были обретены в 1649 г. ⁷⁵ при строительстве этой церкви: «Как <...> учили под церковь рвы копать, и повели ров близко того места, где была гробница чудотворца Кирила Белого, и под тою гробницей гроб цел, ничем не вредим, а земли под тем гробом с пол-аршина свелась с корнем от древес». ⁷⁶ В новопостроенную церковь мощи были внесены 22 августа 1652 г. Так как церковь Воскресения Христова была главным храмом монастыря, в ней находилась ризничная казна, книгохранительница.

В 1657 г. храм Одигитрии описывается так: «Церковь теплая во имя Пречистые Богородицы Одегитрия с трапезою и с келарскою в одной связи, на подклете, верх шатровой. Да в той же церкви предел Алексея человека Божия». ⁷⁷ В описи 1657 г. содержится последнее упоминание о колокольне как об отдельном строении: «Колокольня на столбах, столбы пошатилися, а на ней колокол благовестник, старой. Да вновь болши того колокол благовестной, даяние многих вкладчиков, да десять колоколов малых старых, да часы с перечасьем». Вероятно, после 1657 г. колокольню перестраивать не стали, а сделали ее наверху церкви Воскресения Христова, и она перестала существовать как отдельное здание.

В 1657 г. отмечается отдельная игуменская келья (в которой в 1650 г. «в сенях мосты передельвали плотники Парфен да Давыд, от дела им дано 6 алтын 4 деньги» ⁷⁸) и 6 братских келий. Согласно описи 1657 г., у Святых ворот находился «двор гостиной, на дворе хором: гостиная изба на жилом подклете, да против избы клеть на подклете, меж ими сенник, на том же дворе две избы, да два конюшна да сенница»; ⁷⁹ над Святыми воротами — «в киоте образ, писан на вохре, да в воротах деисус восьмь образов писан на вохре». ⁸⁰

Из хозяйственных помещений в 1657 г. учтены поваренная изба, сушило, два погреба — теплый и холодный, а также квасная поварня. В 1657 г. впервые упоминается кузница («На монастыре же кузница,

⁷⁴ СПБИН РАН. Кол. 115. Д. 663. Л. 220.

⁷⁵ Карбасова Т. Б. История почитания преподобного Кирилла Новосерского // Русская агиография. Исследования. Публикации. Poleмика / Под ред. С. А. Семячко. СПб., 2005. С. 521.

⁷⁶ Донесение патриарху Иосифу архиепископа Вологодского Маркелла // Вологодские епархиальные ведомости. 1865. № 22. С. 5.

⁷⁷ СПБИН РАН. Кол. 115. Д. 663. Л. 225 об.

⁷⁸ Там же. Д. 662. Л. 307.

⁷⁹ Там же. Д. 663. Л. 241 об.

⁸⁰ Там же.

а в ней наковальня да мехи, четверы клещи да четыре молота».⁸¹ Основная часть инструмента, предназначенного для кузнечного дела, хранилась в казне. Кроме того, упомянуто пять житниц: одна была в самом монастыре и еще четыре — «в Сельце».

В описи 1662 г. описание храма Воскресения Христова аналогично тому, что было сделано пять лет назад. Отмечено, что «кресты на главах по меди золочены».⁸² Однако над гробом имелась вновь построенная деревянная рака, которая была «резная и вызолочена, на гробу покров, бархат черной, а на нем крест шит золотом».⁸³ В алтаре и в церковных окнах «оконниц 17 слюдяных вновь».⁸⁴ Помимо этого, в описи впервые отмечена каменная колокольня, построенная «на той же каменной соборной церкви», на которой помещалось 2 колокола благовестных средних и 8 колоколов малых.⁸⁵ В описи 1662 г. уточняется, что крест храма Одигитрии обит немецким белым железом.⁸⁶ Под теплой церковью находилась монастырская казна;⁸⁷ перед трапезой на паперти — чулан, где были «часы боевые большие перечестье, и часы бьют в один колокол». Под трапезой помещалась хлебня.⁸⁸

В описи 1662 г. упомянуты две кельи игуменских с теплыми сенями, шесть братских, больничная келья (косвенное упоминание о ее существовании содержится в описи 1632 г. («В болнице крюк железной»),⁸⁹ «дьячья» и две кельи новые, «меж ими сени, поставлены внове, неотделаны».⁹⁰ В монастыре находилось «сушило, а под сушилом погреб», а также две поварни — «ествяная» и квасная,⁹¹ и кузница. Опись 1662 г. добавляет к строениям на гостином дворе кладовой амбар и две новые избы.⁹² Ворота к тому времени сохранили свой облик.⁹³ Количество житниц соответствует 1657 г.: в самом монастыре зафиксирована одна житница,⁹⁴ на острове напротив монастыря отмечается «житенной анбар порожжой».⁹⁵ В Великом Селе были сооружены еще три житницы.⁹⁶

⁸¹ Там же.

⁸² ОР РНБ. Ф. 550 (Основное собрание рукописной книги). Q.IV.394. Л. 1 об.

⁸³ Там же. Л. 10 об.

⁸⁴ Там же. Л. 16 об.

⁸⁵ Там же. Л. 3.

⁸⁶ Там же. Л. 30.

⁸⁷ Там же. Л. 34.

⁸⁸ Там же. Л. 39.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 24.

⁹⁰ ОР РНБ. Ф. 550. Q.IV.394. Л. 40.

⁹¹ Там же. Л. 39.

⁹² Там же. Л. 40 об.

⁹³ Там же. Л. 39 об.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же. Л. 40 об.

В каждой описи фигурирует мельница, находившаяся на реке Нове. В 1646 г. мельница названа «колесовой». С нее монастырь получал значительный доход. В каждой приходной книге упоминаются «мельничные денги», которые приносил в монастырь мельничный старец. При мельнице находились хозяйственные постройки, объединяемые в мельничный двор, упоминаемый уже в 1581 г. Наиболее полное перечисление построек относится к 1638 г.: «горница с повальшею»,⁹⁷ два двора конюшенные, «онбар с мелничной снастью, келья и сенник ветхие, двор коровей, а на дворе изба, и два сарая, и сенник новый с хлебом, а на дворе коровьем 21 корова дойная, 2 нетели и 8 бычишков».⁹⁸ В 1623 г. около мельницы были построены ворота, сделаны или починены колеса: «Куплено досок на мельницу на колеса и на ворота на 35 алтын 2 денги».⁹⁹ В 1649 г. рядом с мельницей находились келья, сенник, монастырский двор «пригонный» коровий, в котором стояла изба, сенник и два сарая. В сентябре 1650 г., по данным расходной денежной книги, мельница подверглась ремонту: «Делал на мельнице Осип Конев из Лозы два колеса водяные, да третье колесо сухое, от дела ему и ото всего дано рубль, 8 алтын 2 деньга».¹⁰⁰ Затем в августе 1651 г. «Осип Конев на мельнице трубу новую делал, дано найму рубль 14 алтын 4 деньга».¹⁰¹ В 1657 г. на мельнице находилась келья, клеть и монастырский двор с избой, клетью и двумя сараями. В выписи из писцовой книги 1626–1627 гг. отмечается, что мелет она «вешнею водой».¹⁰² В 1657 г. впервые упоминается о появлении в хозяйстве Кирилло-Новоезерского монастыря второй мельницы: «Олферу Сысоеву дано, что в прошлом году делал на чачемскую мельницу жернов»,¹⁰³ судя по ее названию — «чачемская», — она располагалась в монастырской деревне Чачема. Известно, что на мельнице находился амбар, в 1657 г. были наняты монастырские крестьяне к нему «кожух рубить».¹⁰⁴ По всей видимости, мельница была построена незадолго до того, так как в расходной книге за 1657/58 г. ее называют новой¹⁰⁵ и на ней ведутся строительные работы.

В описи 1581 г. упомянуты конюшенный и воловий дворы в монастырской деревне Рожаево, где находилось 18 голов лошадей и 25 ко-

⁹⁷ СПбИИ РАН. Кол. 115. Д. 663. Л. 141 об.

⁹⁸ Там же. Л. 161 и 161 об.

⁹⁹ Там же. Д. 662. Л. 99 об.

¹⁰⁰ Там же. Л. 307.

¹⁰¹ Там же. Л. 314 об.

¹⁰² Там же. Д. 663. Л. 39.

¹⁰³ Там же. Д. 662. Л. 329 об.

¹⁰⁴ Там же. Л. 330 об.

¹⁰⁵ Там же. Л. 340 об.

ров. В описи 1614 г. значится конюшенный двор, на котором содержалось 12 лошадей, 18 коров и 8 овец. Воловий двор не упоминается, а «конюшой и коровей двор огнили».¹⁰⁶

В описях 1631, 1632, 1634 гг. указаны конюшенный и воловий дворы в селе Рожаеве. В 1631 г. на конюшенном дворе находилось 24 лошади (большинство из них вкладные, см. приложение 6), на воловьем дворе — 52 головы коров и быков, 17 овец, 1 баран и 1 козел. В 1632 г. на конюшенном дворе находилось 25 лошадей, на воловьем дворе — 32 головы коров и быков, 20 овец и 1 баран; в 1634 г. на конюшенном дворе — 28 лошадей, на воловьем дворе — 29 коров и быков, 10 овец и 1 баран. В 1638 г. упомянуты коровий и конюшенный дворы в селе Рожаеве и один конюшенный двор за монастырем, с сараем и с сенником на подклете,¹⁰⁷ а также два конюшенных двора на мельнице. Однако скот перечисляется только в скотных дворах в селе Рожаеве: на конюшенном дворе — 14 лошадей (отмечается, что «на стойле» лошадей нет), на коровьем дворе — 40 коров и быков, 20 овец и 1 баран. В 1646 г. указан за Святыми воротами «дворец приезжей, гостиной и конюшенной <...> конюшня да сенник да сарай ветхи»;¹⁰⁸ на мельнице указан коровий двор, на котором находились 31 корова и бык. Второй конюшенный двор упоминается на Великом Селе, он записан как новый, в нем находилось 38 лошадей (стоящих «на стойле»). В том же Великом Селе находился еще один коровий двор, на котором было 38 коров и быков, а также 42 овцы и 2 барана. В 1649 г. на Великом Селе отмечается 24 лошади, на воловьем «дворце» — 38 коров и быков, 15 овец и 1 баран. В 1657 г. конюшенный и коровий дворы указаны в Сельце монастырском: «А скота на дворе: лошадей 31, на коровьем дворе 56 коров и быков, 46 овец и баранов».¹⁰⁹ В 1662 г. на конюшенном дворе зафиксированы 32 лошади, на коровьем дворе 68 коров, быков, нетелей и телят, 42 овцы и барана.

Таким образом, по сравнению с 1614 г. (когда монастырь находился в запустении) количество лошадей и коров к 1662 г. увеличилось втрое, а овец — почти в 8 раз. Кроме того, в 1657 г. описывается конюшенный двор приписного Андозерского монастыря, на котором содержалось 26 коров и быков, а в 1662 г. — 5 коров, бык, нетель, 2 теленка.

Начиная с 1632 г. в описях имущества постоянно фиксируется наличие кирпича. В 1632 г. «на острове кирпичю в сарае зделано на цер-

¹⁰⁶ Там же. Д. 663. Л. 29 об.

¹⁰⁷ Там же. Л. 140 об.

¹⁰⁸ Там же. Л. 161.

¹⁰⁹ Там же. Л. 245 об.

ковное дело сто тысяч. А в прежних книгах написано 120 тысяч и старцы сказали, что де кирпич иной розмокл, не обожженной был». ¹¹⁰ В расходной денежной книге 1631 г. есть свидетельство о том, что было сделано 2,5 тысячи кирпичей в марте: «Дано попу Илье Костоусову рубль и за те денги делать полтрети тысячи и обжечь кирпичю». ¹¹¹ В 1634 г. не указано количество кирпича («да на острову кирпича в сарае сделано на церковное дело»; в 1646 г. «на кирпичном острове [хранилось] кирпичу в двух сараях тритцать тысяч». ¹¹² Таким образом, вероятно, в 1630-х гг. велось какое-то кирпичное строительство, но в описях оно не отразилось. В 1649 г. отмечается 20 тысяч кирпичей; в 1657 г. «на монастыре осталось от церковного строения кирпича и на кирпичном острову сто тысяч жженого да извести пятьдесят бочек». ¹¹³ В 1662 г. «под двумя сараи и на острову в печи сженого кирпичу старого и нового со сто с тритцать тысящ» и извести «бочек с сорок». ¹¹⁴

В 1657 г. имеется описание Андозерского монастыря, который был приписан к Кирилло-Новоезерскому (см. Глава 2, §2). В приходной денежной книге 1651 г. есть ряд упоминаний, свидетельствующих об обустройстве этого монастыря: в феврале «дано плотникам, что на Андозере в келье нутро делали да под церковь двои двери и от того дела им найму 2 рубля 8 алтын 2 деньги»; ¹¹⁵ в июне «в новой келье на Андозере каменщики печь клали, от дела дано 12 алтын». ¹¹⁶ На территории монастыря описан вновь поставленный «храм клинчатой», ¹¹⁷ а в нем — иконы, ризы, хранящиеся в алтаре, книги, два небольших колокола на паперти. В монастыре по описи значатся: одна келья, в которой жили два старца Кирилло-Новоезерского монастыря, «сушило порозжее, в ысподи погреб, житница, коровой двор, в котором изба, два сарая, сенник на подклете и хлев мшенной». В 1662 г. отмечается деревянная церковь во имя Успения Богородицы, ¹¹⁸ колокольня на одном столбе и на ней колокол «невелик». ¹¹⁹ В этом году в монастыре было уже 2 кельи и хозяйственные постройки.

Помимо Андозерского монастыря в описи 1657 г. фиксируется остров Становище «с пашенной землей». Там существовала часовня во имя Николая Чудотворца. В 1653 г. митрополит по просьбе старцев благо-

¹¹⁰ СПбИИ РАН. Кол. 115. Д. 663. Л. 104 об.

¹¹¹ Там же. Д. 662. Л. 198.

¹¹² Там же. Д. 663. Л. 162.

¹¹³ Там же. Л. 241 об.

¹¹⁴ ОР РНБ. Ф. 550. Q.IV.394. Л. 40.

¹¹⁵ СПбИИ РАН. Кол. 115. Д. 663. Л. 311 и 311 об.

¹¹⁶ Там же. Л. 313.

¹¹⁷ Там же. Д. 663. Л. 243 об.

¹¹⁸ ОР РНБ. Ф. 550. Q.IV.394. Л. 42.

¹¹⁹ Там же. Л. 43.

словил на постройку на месте часовни храма во имя того же святого и «велел им на тот храм лес ронить». При этом предписывалось: «глава б на той церкви была не островорхая».¹²⁰ В описи 1657 г. в Становищах упоминается храм «клетчатый» в котором кроме икон описывается несколько книг и риз, а «хором, что была часовня, и та поставлена на поле с клетью, да старая трапеза». В 1662 г. на острове поставлена келья, напротив клеть, между ними сени; также имелись амбар с хлебом, конюшенный и коровий дворы.¹²¹

* * *

Таким образом, комплекс строений Кирилло-Новоезерского монастыря начал складываться в первой половине XVI в. Достоверно о его формировании известно благодаря описи 1581 г., которая фиксирует основные постройки — две церкви, колокольню, хозяйственные и жилые помещения. В годы Смуты монастырские постройки находились в состоянии запустения, однако следов их полного разграбления и разрушения в источниках нет. В 1620-е гг. появляются ограда и Святые ворота, что свидетельствует об определенном благополучии монастыря. Возможно, тогда же были предприняты первые попытки каменного строительства. Переломным временем стали 40-е гг. XVII в., когда началась постройка в камне церкви Воскресения Христова.

§ 2. Вотчина Кирилло-Новоезерского монастыря

Согласно житию преп. Кирилла Новоезерского, Красный остров, на земле которого возник монастырь, был уступлен крестьянами черносошной деревни Шиднем. Кирилл «пойде в весь Андопальскую, в Шиднем, и прошаше у христиан острова того, у Дея, да у Григория, и у Давыда. Они же посоветоваша между собою о том Красном острову и повелеша ему келию поставити».¹²² Деревня Шиднем также находилась на одном из островов Нового озера, и Красный остров вполне мог находиться в распоряжении ее жителей.

История возникновения вотчины Кирилло-Новоезерского монастыря кратко рассмотрена А. И. Копаневым.¹²³ Он наметил основные этапы

¹²⁰ РГАДА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 53.

¹²¹ ОР РНБ. Ф. 550. Q.IV.394. Л. 47–47 об.

¹²² Житие Кирилла Новоезерского / Подгот. текста, пер. и коммент. Т. Б. Карбасовой. С. 372.

¹²³ Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV–XVII вв. М.; Л., 1951. С. 149–150.

ее формирования, опираясь на жалованные грамоты, не привлекая данных хозяйственных книг монастыря. Дополним данные А. И. Копанева с использованием всей доступной информации.

Первая из дошедших до нас жалованных грамот Кирилло-Новозерскому монастырю относится к 1542 г.¹²⁴ Согласно легенде, Иван Грозный пожаловал монастырь «после чуда, которое Преподобный показал царю, явившись ему во сне и дав ему совет не ходить в палату до 3-го часа дня, когда она рухнула и задавила многих князей и бояр».¹²⁵ По этой грамоте монастырь получил починки Кобылин и Олексин Бор, а также пустошь Ортюшино, относившиеся к Андопальской волости Белозерского уезда, «а пашни в тех починках и на пустоши двенадцать четвертей в одном поле, а в дву полах по тому же, а сена восьмьдесят копен, а леса пашенного борового по двенадцати четвертей в одном поле, а в дву полах по тому же у обеих починков и у пустоши».¹²⁶ Судя по карте, составленной А. И. Копаневым, Ортюшино располагалось относительно далеко от Новоозера, в местности, позднее известной как Замошье или Замошский угол. Деревни, расположенные непосредственно на берегу Новоозера, объединялись под названием Новозерский угол. К ним относился и починок Кобылин. Местонахождение Олексина Бора устанавливается по выделившейся из него деревне Устье — она находилась на восточной оконечности Андоозера (см. Приложение 5).

Следующее пожалование Кирилло-Новозерскому монастырю относится к 1551 г. О нем мы узнаем из приписки к грамоте 1542 г.¹²⁷ Был пожалован починок Рожаев, находившийся на северном берегу Новоозера (см. Приложение 5).

О следующем пожаловании мы узнаем из грамоты Ивана IV в Белоозеро от 1582 г.¹²⁸ В этой грамоте содержится требование исправить ошибку межевщиков, которые отмежевали в пользу монастыря лишние деревни. Межевание было вызвано тем, что монастырю были переданы 2 деревни (Шиднем и Якимовская), 2 пустые деревни (Пыжеломская и Петряевская) и пустошь Волковская, и, кроме того, «лесу около монастыря в длину и поперек на три версты». Грамота, по кото-

¹²⁴ РГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии). Он. 2. № 782. Впервые она упоминается Шумаковым (*Шумаков С.* Обзор грамот Коллегии экономии. М., 1900. Вып. 2. С. 46). В перечне жалованных грамот, опубликованном С. М. Каштановым, она находится под № 434 (*Каштанов С. М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 358).

¹²⁵ *Шевырев С.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. М., 1850. Вып. II. С. 67.

¹²⁶ РГАДА. Ф. 281. Оп. 2. Д. 782.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ РГАДА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 4.

рой эти деревни были переданы в монастырь, не сохранилась. Однако из грамоты 1582 г. явствует, что она была дана «из Большого прихода за приписью Богдана Ксенофонтова». В грамоте 1583 г., речь о которой пойдет ниже, сказано, что эта несохранившаяся грамота дана в «девять десятом году» (1581/82).

Неизвестно, произошло ли новое межевание в 1582 г. Уже через год, в 1583 г., Иван IV дал монастырю новую грамоту, которая жаловала «царских богомольцев» теми деревнями, которые годом раньше были ему ошибочно отписаны. В грамоте они сгруппированы по волостям: Замошской (деревни Чирок, Мартыновская Гора, Ульяновская, Малафеевская, Левоновская, Тархановская, Федоровка, Боброво и починки Поздино¹²⁹ и Буяр), Андопальской (деревни Великое Село, в Лохте Гривинская тож, Борановская и Отписная) и Урозерской (пустоши Чигарева, Черное Озерко, Ларковская, Стюнкинская, Селище Стреглино).¹³⁰

Грамот о дальнейших пожалованиях нам не известно. Однако сохранились подтверждения и подтверждающие грамоты. Грамота 1542 г. подтверждается 15 декабря 1605 г. от имени Лжедмитрия I.¹³¹ Грамота 1583 г. подтверждается 25 июня 1584 г. (от имени Федора Ивановича), 15 декабря 1605 г. (от имени Лжедмитрия I) и 19 сентября 1623 г. (от имени Михаила Федоровича и патриарха Филарета).¹³² Кроме того, известна подтверждающая грамота Лжедмитрия I на деревни, пожалованные в 1542, 1551 и 1581/82 гг.¹³³ Отметим, что в ней вместо деревни Ортюшино упоминается деревня Харинская.

Грамота 1615 г. от имени Михаила Федоровича подтверждает владение поселениями, пожалованными в 1542, 1551, 1582 и 1583 гг. По географическому признаку они распределяются на 3 группы: Замошская, Андопальская и Урозерская волости. Большая часть деревень (11) располагалась в Андопальской волости: Кобылин, Олексин Бор, Шиднем, Якимовская, Пыжеломская, Петряевская, Волковская, Великое Село, Лохта (Гривинская), Борановская и Отписная (Веромень). Они находились в основном по берегам Нового озера. Иногда они назывались Новозерским углом. К Замошской волости, которая располагалась к северу от Новоозера, отделяясь от него полосой болот, относилось

¹²⁹ Уже в описи имущества 1581 г. упоминается закладная деревня Поздино Замошской волости (СПбИИ РАН. Кол. 115. Д. 663. Л. 11).

¹³⁰ РГАДА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 5. *Каишанов С. М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. С. 358. № 1133.

¹³¹ РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. № 889.

¹³² РГАДА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 5.

¹³³ РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. № 889.

также 11 поселений: Ортюшино (Харинская), Чирок, Мартыновская Гора, Ульяновская, Малафеевская, Левоновская, Тархановская, Федоровка, Боброво, Поздино и Буяр. Урозерская волость лежала к юго-востоку от Новоозера. В ней числилось 5 деревень: Чигарева, Черное Озерко, Ларковская, Стюнкинская и Селище Стреглино.¹³⁴

Однако сведения жалованных грамот вступают в противоречие с информацией другого круга источников — хозяйственной документации (приходных, хлебных, денежных и оброчных книг, а также описей имущества) и писцовых книг. Эти книги фиксируют не формально принадлежащие монастырю деревни, а реально существующие. В белозерской писцовой книге 1626–1627 г., описывающей в том числе и вотчину Кирилло-Новоозерского монастыря, содержится перечень не только «живущих» деревень, но и «пустошей». Если сравнить этот перечень с жалованной грамотой 1615 г., то мы увидим, что 4 населенных пункта не упоминаются в писцовой книге (Малафеевская, Левоновская, Тархановская, Федоровка). С другой стороны, появляются 7 новых деревень (Чачема, Текутово, Олкино, Пердуново, Ручкино, Пестово, Гришкино).¹³⁵

Начиная с 1599 г. в приходных книгах регулярно упоминается деревня Ручкино,¹³⁶ отсутствующая в текстах грамот, а с 1605 г. деревня Пестово.¹³⁷ В приходной денежной книге 1612 г. эти две деревни, а также Стюнино (Стюнкинская), называются «новишками».¹³⁸

С одной стороны, можно предположить, что некоторые из этих деревень просто поменяли названия. Такие прецеденты известны. Например, по писцовой книге 1626–1627 г. зафиксированы деревни с одинаковыми названиями: Олексин Бор (Середняя) и деревня Устье (Олексин Бор). В монастырских описях более позднего времени фигурируют деревни Устье и Середняя. Это может означать, что существовавшая в начале XVII в. деревня Олексин Бор, пожалованная Иваном IV в 1542 г., разделилась на две деревни с разными названиями. Известны случаи, когда деревни записывались в разных документах под разными названиями. Например, в жалованной грамоте 1583 г. упоминается починок Бояр, а в писцовой книге 1626/27 г. он записан как «починок Бояр, а Стулово то же». В позднейших документах он последовательно называется Стулово. Двойные названия известны также у деревень Чачема — Шкулово Ново тоже, Лохта — Гривинская тоже, деревня

¹³⁴ РГАДА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 17.

¹³⁵ СПбИИ РАН. Кол. 115. Д. 662. Л. 35 об.–41 об.

¹³⁶ Там же. Л. 53.

¹³⁷ Там же. Л. 59.

¹³⁸ Там же. Л. 79 об.

Пень-починок и Чирок тоже. В дальнейшем они назывались исключительно Чачема, Лохта и Чирок. Возможно, что некоторые из исчезнувших и вновь появившихся деревень идентичны, но доказать это на основе имеющегося материала невозможно. С другой стороны, во время кризисов конца XVI — начала XVII в. часть поселений была заброшена и не восстановилась, а на их месте некоторое время спустя могли поселиться другие люди, которые заново распахали землю. Возможно, поэтому часть поселений приходная книга 1612 г. называет «новишками». Не исключено, что новые поселения были вкладными или купленными, однако ни «данных», ни «купчих» за этот период не сохранилось.

Деревня Поздино, упомянутая среди пожалований 1583 г., могла оказаться в вотчине монастыря. Об этом еще раньше свидетельствует упоминание в описи имущества 1581 г. закладной крепости «на заможскую деревню на Поздину», возможно, связанную с именем старца Варлаама Резвого, сделавшего в монастырь вклад по своей «дщери».¹³⁹

По сути, в 1583 г. формирование вотчины Кирилло-Новоезерского монастыря завершилось. Но расширение его владений продолжилось за счет присоединения владений более мелких монастырей. Не позднее 1645 г. под юрисдикцию Кирилло-Новоезерского монастыря в качестве приписного вошел Успенский Андозерский монастырь. Точная дата его «приписки» не известна. В грамоте 1647 г. от имени Алексея Михайловича, адресованной белозерскому воеводе И. П. Чихачеву, говорится, что «по указу <...> блаженной памяти отца нашего и великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси велено ведать и строить и оберегать от сторонних ото всяких людей в Белозерском уезде Андозерской пустой монастырек Новоезерского монастыря им, игумену да строителю Ионе Палицыну».¹⁴⁰ Иона Палицын был строителем с 1638 по 1646 г. Учитывая, что Михаил Федорович скончался в 1645 г., «приписка» Андозерского монастыря датируется в диапазоне между 1638 и 1645 гг. Первое упоминание о нем в документации Кирилло-Новоезерского монастыря содержится в приходной денежной книге за декабрь 1646 г.: «За Андозерский монастырь ямские денги платили 15 алтын».¹⁴¹

Жалованная грамота 1650 г. царя Алексея Михайловича белозерскому воеводе И. Л. Мячкову сообщает подробности присоединения Андозерского монастыря. Цитируя челобитную новоезерского игумена,

¹³⁹ Там же. Д. 663. Л. 11.

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. № 931.

¹⁴¹ СПбИИ РАН. Кол. 115. Д. 662. Л. 301 об.

грамота утверждает, что Андозерский монастырь был приписан по инициативе новозерских монахов, указывавших на недостаток сельскохозяйственных угодий. После получения Жалованной грамоты в приказе Большого дворца Новозерский монастырь начал платить за приписной монастырь государственные налоги — ямские и стрелецкие деньги. Однако, как оказалось, в Поместном приказе «тот монастырек к Новозерскому монастырю не приписан, и многие <...> люди того монастыря насилством землю владеют».¹⁴²

Впервые Андозерский монастырь был включен в опись Кирилло-Новозерского монастыря в 1657 г. Тогда его вотчина состояла из четырех «живущих» поселений — деревни Карпово и трех починков — Зарецкая, Борок и Замятнинская.¹⁴³ Но из только что упомянутой грамоты 1650 г., которая, в свою очередь, цитирует писцовое описание Белозерья 1626–1627 гг., явствует, что Андозерский монастырь владел еще рядом пустошей: это деревни Трофимовская, Новая Заречье тож, Борок, Боранцево, Никифоровская, «новишка на речке на Мартьянке», Харина, Анкудовская, Домовая, Карповская.¹⁴⁴

Андозерский монастырь находился к западу от Новозерского, при впадении речки Андоги в Ровоозеро. Три поселения, названия которых присутствуют в обоих перечнях (Карпово/Карповская, Заречье, Борок), расположены к северу от монастыря, причем два последних — на реке Ухтоме. Остальные поселения локализовать не удалось.¹⁴⁵

Последним приобретением Кирилло-Новозерского монастыря стала Никольская пустынь в Становищах (юго-западнее Андозерского монастыря). В благословенной грамоте патриарха Никона от 1653 г. упоминается грамота царя Алексея Михайловича 1652 г. на владение «в Андопалской волости меж мхи и болоты островом в Становищах, да на том же острову пустыню, да на том же острову стоит часовня».¹⁴⁶

Таким образом, основной массив вотчины Кирилло-Новозерского монастыря сложился при Иване Грозном, к 1583 г. После его смерти царских пожалований Кирилло-Новозерскому монастырю не было, за исключением «приписки» Андозерского монастыря с его небольшой вотчиной и Никольской пустыни в Становищах. Это последнее увеличение территории монастыря произошло в середине XVII в.

Первые сведения о количестве крестьянских дворов в монастырской вотчине относятся к 1581 г. В описи монастырского имущества

¹⁴² РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. № 934.

¹⁴³ См. Приложение 4. № 17.

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. № 934.

¹⁴⁵ См. Приложение 5.

¹⁴⁶ РГАДА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 42.

зафиксировано 11 крестьянских дворов в трех имевшихся на тот момент «живущих починках» (Кобылинский, Олексин Бор и пожалованный в 1551 г. починок Рожаев). Пустошь Ортюшино в описи не упомянута; вероятно, она оставалась нежилой. Более подробных сведений опись 1581 г. не содержит.

Из пяти пожалованных в 1581/82 г. поселений живущими были только два, о количестве дворов сведений нет. В 1583 г. пожаловано 12 живущих деревень, 2 починка. Всего монастырь получил 28 поселений, из них 19 живущих (14 деревень и 5 починок), 2 пустые деревни, 7 пустошей. Таким образом, почти треть составляли пустые поселения. В приходных книгах Кирилло-Новоезерского монастыря за 1597–1612 гг. упоминаются названия двенадцати деревень, часть из которых указана в связи с взиманием с них оброка. Упоминание других связано с деятельностью людей, живших в этих деревнях (сбор денег по кабалам с крестьян или принятие от них денежных вкладов). Таким образом, все упомянутые деревни в эти годы были живущими.

Таблица 1

Перечень деревень Кирилло-Новоезерского монастыря, упоминающихся в приходных книгах 1597–1612 гг.

1.	Кобылино	1542	1599
2.	Средняя	1542	1598
3.	Устье	1542	1598, 1605
4.	Шиднем	1582	1597, 1598, 1605, 1612
5.	Якимово	1582	1598
6.	Поздино	1583	1597, 1599
7.	Великое Село	1583	1598, 1599, 1605, 1612
8.	Чирок	1583	1599, 1605
9.	Лохта	1583	1605
10.	Стюнкино	1583	1612
11.	Пестово	не известен	1605, 1612
12.	Ручкино	не известен	1605, 1612

Источник: СПБНИИ РАН. Кол. 115. Д. 662. Л. 15 об.–82.

Таблица суммирует данные по живущим деревням. После названия поселения указывается год пожалования, а затем — годы, за которые поселения упоминаются в приходных книгах. Полузирным выделены годы, в которые поселения упомянуты в связи с уплатой оброка или в качестве тяглых.

Несмотря на то, что приведенные сведения являются неполными, они чрезвычайно важны, так как следующий источник, содержащий сведения о вотчине монастыря, — опись имущества 1614 г. — не содержит списка названий деревень. В ней указывается только их число: 18 деревень и 1 починок. Количество живущих поселений, пожалованных государем монастырю 1542–1583 гг. и зафиксированных в описи 1614 г., совпадает. Однако реальная ситуация была сложнее. Например, как видно из приведенного перечня, с пустоши Стюнкинской

в 1612 г. монастырь собирал налоги: «взял казначей <...> Стюнкина новишка у Треши Олексиева сына по мирскому разводу в ратных казаков 9 алтын 4 денги».¹⁴⁷ Следовательно, пустошь Стюнкина к этому времени являлась живущей. При этом ее, наряду с Пестовым и Ручкиным (поселениями, не являвшимися государевым пожалованием), источник называет «новишком». Вероятно, заселение и распашка этих земель началась не так давно. Таким образом, вероятно, часть деревень из государева жалования к этому времени запустела. В то же время началась распашка старых пустошей и, возможно, новых земель.

Ситуацию по окончании Смутного времени, в 1620/21 г., характеризует выпись из белозерских «писцовых книг письма и меры Романа Офонасьевича Тарбеева да подьячего Олексея Корнаухова».¹⁴⁸ Согласно ее данным, в вотчине числилось 13 «живущих» деревень, 2 пустых деревень (Олкино и сгоревшая в 1619 г. Петряева Горка) и 10 пустошей.¹⁴⁹ Таким образом, «пустота» составила почти половину. Пустошами были обозначены деревни в самом сердце вотчины, в том числе Шиднем, Середняя, Пыжелохта, Веромень. В источнике запустение связывается с разорением «от литовских людей» или с «большим мором».

З. В. Дмитриева подвергает сомнению достоверность материалов дозорных книг этого времени, убедительно доказывая, что землевладельцы, ссылаясь на «литовское разорение», утаивали от государевых переписчиков значительную часть земли и крестьян.¹⁵⁰ Это же подтверждается на материалах Новоезерского монастыря следующими примерами. В деревне Кобылино в 1620/21 г. указан пустой двор Панки Дулова, который «помер в лихолетье». Начиная с 1646 г. этот крестьянин регулярно фиксируется как живой.¹⁵¹ В деревне Якимово в 1620/21 г. обозначен «двор пустой Гаврилки Трифонова, помер в лихолетье». Однако все следующие переписные книги фиксируют живого Гаврилку Трифонова как крестьянина (в 1626 г. — бобыля).¹⁵² В деревне Устье в 1620/21 г. указан пустой двор Ивашки Тихонова, которого «ссекли литовские люди», а в 1626 г. он упомянут как живой

¹⁴⁷ СПБ ИИ РАН. Кол. 115. Д. 662. Л. 81 об.

¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. № 905. Этот документ представляет собой, скорее всего, дозорную книгу, так как С. Б. Веселовский определяет Р. А. Тарбеева и А. Корнаухова как «дозорщиков» (*Веселовский С. Б.* 1) Акты писцового дела. Т. 1. С. 92, 160–161; 2) Дьяки и подьячие XVII в. С. 262–263).

¹⁴⁹ См. Приложение 4.

¹⁵⁰ *Дмитриева З. В.* Вытнны и описныя книги Кирилло-Белозерского монастыря... С. 251.

¹⁵¹ Приложение 4. Таблица 1.

¹⁵² Там же. Таблица 3.

дворовладелец.¹⁵³ Проверить все сведения писцовой книги 1620/21 г. невозможно из-за отсутствия современных им документов монастырского делопроизводства. Поэтому мы не будем их привлекать для характеристики монастырской вотчины.

Начиная с 1623 г. хозяйственные книги дают более полную информацию о поселениях. Сохранилась оброчная книга 1623 г.¹⁵⁴ и хлебная приходная книга 1624–1625 гг.,¹⁵⁵ в которых содержатся сведения о деревнях, уплативших хлебный и денежный оброк. Используя эти материалы, а также приходную денежную книгу 1625–1626 гг.¹⁵⁶ и данные писцового описания 1626–1627 гг., можно говорить о том, что к середине 20-х гг. XVII в. 5 поселений (Пыжеломская, Петряевская, Ортюшино, Черное озеро, Стюнкинское) из 9 пустых поселений, данных монастырю Иваном Грозным, становятся живущими. При этом 4 поселения остаются пустошами (Волковская, Ларковская, Стреглино, Чигарево). В это время земли первых двух из упомянутых пустошей использовались монастырем для высева хлеба. Для этой же цели использовались еще 2 пустоши — Коровина и Макарова, происхождение которых неизвестно.

С другой стороны, к этому времени починок Поздино стал пустошью, также запустели деревни Веромень и Великое Село. Вероятно, это были относительно недавние запустения, так как в писцовом описании указаны дворовые места, а значит, еще недавно они были населенными: «Деревня Верамень пуста, а в ней двор пуст Обрамка Осипова; двор пуст Лари Оксенова, побили литовские люди».¹⁵⁷ В деревне Великое Село отмечены пустой двор и шесть мест дворовых, хозяева которых «бродят в миру».¹⁵⁸

Четыре населенных пункта из пожалования Ивана Грозного (Малафеевская, Легоновская, Тархановская, Федоровка) бесследно пропадают. Когда именно это произошло, установить невозможно, однако в документах 20-х гг. XVII в. и во всех последующих эти поселения не числятся ни в числе живущих, ни в числе пустошей. Вместе с тем, появляются семь новых поселений (Чачема, Текутово, Олкино, Пердуново, Ручкино, Пестово, Гришкино).¹⁵⁹ Как уже говорилось, некото-

¹⁵³ Там же. Таблица 4.

¹⁵⁴ СПбИИ РАН. Кол. 115. Д. 662. Л. 92–95.

¹⁵⁵ ОПИ НГОМЗ. Ишв. № 25986/10784. № 17.

¹⁵⁶ СПбИИ РАН. Кол. 115. Д. 662. Л. 169–171 об.

¹⁵⁷ Там же. Д. 663. Л. 37 об.

¹⁵⁸ Там же. Л. 38.

¹⁵⁹ Там же. Л. 35 об.–41 об.

рые из исчезнувших деревень могли поменять названия. С другой стороны, во время кризисов конца XVI — начала XVII в. часть поселений могла быть заброшена и уже не восстановиться, а на их месте некоторое время спустя могли поселиться другие люди, которые заново распахали землю. Возможно, поэтому часть поселений (Гришкино, Пестово) приходная книга 1612 г. называет «новишками».

Используя материалы хозяйственных документов и выписи 1626–1627 гг., можно предположить, что в конце 1620-х гг. пустые поселения в вотчине Кирилло-Новозерского монастыря составляли менее 25%. В это же время в Кирилло-Белозерском монастыре пустые поселения составляли почти половину, при этом села, расположенные в северной части Белозерского края, запустели в меньшей степени.¹⁶⁰ Подобное явление мы наблюдаем и по материалам Кирилло-Новозерского монастыря, вотчина которого также находилась в северной части Белозерского края.

В 1630-х гг. заселяются две пустые деревни и пустошь Волковская. С этого времени состав вотчины почти не менялся вплоть до 1657 г., когда к ней присоединились владения Андозерского монастыря. Все имеющиеся в вотчине починки постепенно стали деревнями. В 1657 г. количество мужского населения в вотчине приблизительно составило 465 человек (в 1649 г. — 412 человек). В то же время в вотчине Кирилло-Белозерского монастыря проживало 6056 человек.¹⁶¹

На протяжении второй четверти XVII в. наблюдается рост дворов в вотчине Кирилло-Новозерского монастыря. Как уже говорилось в Главе 1 настоящего издания, выпись 1626–1627 гг. и опись 1638 г. не фиксируют часть деревень, поэтому их данными нельзя пользоваться безоговорочно. Для уточнения вновь обратимся к приходным книгам, из которых следует, что неучтенные деревни Гришкино, Пестово, Ручкино, Стюнкино, Степкино в 1625 г. платили все вместе оброк с 1,5 выти, деревня Боранцово с трети выти, тогда как деревня Кобылино одна платила оброк в 1623 г. с 1,5 выти. Таким образом, можно предположить, что в неучтенных в выписи 1626–1627 гг. деревнях проживало незначительное количество крестьян и, скорее всего, эти деревни были малодворными. Поэтому существенных изменений в тенденции роста дворов от 1626 к 1657 г. эти данные не внесли бы, а также особенно не изменили бы процентное соотношение малодворных и крупных деревень.

¹⁶⁰ Аграрная история Северо-Запада России XVII в. С. 47.

¹⁶¹ Там же.

Движение дворности поселений вотчин
Кирилло-Новоезерского монастыря (1581–1657 г.)

Год	Поселений	В них дворов	Деревни, в которых дворов						Дворов на поселение
			1–3		4–6		7 и более		
			кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	
1581	3	11	1	33	2	66	—	—	3,6
1626	21	52	17	81	4	19	—	—	2,4
1638	19	56	15	79	4	21	—	—	2,9
1646	28	107	13	48	11	41	3	11	3,8
1649	28	117	13	46	10	36	5	18	4,1
1657	32	139	15	47	11	34	6	19	4,3

Согласно данным описи 1581 г., из трех существовавших на тот момент в вотчине Кирилло-Новоезерского монастыря поселений два являлись средневдворными (от четырех до шести дворов), а одно малодворным (от одного до трех дворов). Дозорная книга 1620/21 г. зафиксировала 21 «живущее» поселение, причем в ряде деревень были зафиксированы пустые дворы и «места дворовые», запустевшие в годы смуты. С их учетом получается, что до Смутного времени в вотчине Кирилло-Новоезерского монастыря преобладали малодворные деревни (14,66%), средневдворных было шесть (29%), многодворная (свыше шести дворов) — одна (5%).

В 1626 г. преобладали малодворные деревни, поселения от четырех до шести дворов составляли только 19%. От 1626 к 1646 г. идет процесс увеличения количества дворов в деревнях. К 1646 г. появляются крупные деревни, где было семь и более дворов. Они составляют 11%, на долю малодворных приходится уже менее 50%. В 50-х гг. деревни с семью и более дворами составляют 18%. Конечно, нельзя забывать, что все расчеты очень приблизительны, однако в данном случае важна тенденция. В целом число дворов от 1626 к 1657 г. возросло в 2,5–3 раза.

Сравним среднее количество дворов, приходящихся на поселение в вотчинах Кирилло-Новоезерского монастыря, со средней численностью дворов Кирилло-Белозерского монастыря.¹⁶² В 1626 г. в Кирилло-Новоезерском монастыре приходилось приблизительно 2,4 двора на поселение, в Кирилло-Белозерском — 3,4. В 1646 г. в Кирилло-Новоезерском — 3,9 двора, в Кирилло-Белозерском — 4,1 двор на поселение. Как видно из приведенного ряда, средняя численность дворов в Кирилло-Новоезерском монастыре меньше, чем в Кирилло-Белозер-

¹⁶² Там же. С. 48.

ском. Однако, несмотря на небольшое расхождение, эти данные могут служить доказательством того, что процесс роста дворности деревень в течение второй четверти XVII в. стал повсеместным явлением, характерным для вотчин как крупных, так и более мелких монастырей Белозерского края.

Ответить на вопрос, за счет каких ресурсов увеличивалось население в вотчинах Кирилло-Новоезерского монастыря, чрезвычайно сложно.

Рассмотрим внутренние процессы, происходившие в вотчине Кирилло-Новоезерского монастыря. Для того, чтобы проследить миграционные процессы, происходившие в вотчине монастыря, была составлена роспись крестьянских дворов по деревням. Эта работа была осложнена особенностями фиксации имен крестьян (см. Главу 1).

Таблица 3

**Движение населения в вотчине
Кирилло-Новоезерского монастыря* (1626–1657 гг.)**

Год	Кол-во дворов	Совпали	Перешли		Новые в р-те раздела	Новые	Не найденные	Найденные	Главы семей, не учтенные в посл. описях
			о/с	б/б					
1626	53								
1638	56	28	6	4	1	16	8	2	4
1646	107	22	4	3	—	7	14+2**	3+3**	6
1649	117	91	3	—	9	14	9	3	4
1657	128***	85	12	6	7	18	14	1	19

* Таблица составлена на основе материалов Приложения 4.

** Дворы, не включенные по описи 1638 г. ни в одну деревню, но числящиеся в вотчине Кирилло-Новоезерского монастыря.

*** Не включены деревни приписного Андозерского монастыря.

Как видно из таблицы, дворы «старожильцев» в 1638 г. составляли 70%. Оговоримся, что термин «старожильцы» мы относим к хозяевам дворов: 1) зафиксированных в предыдущей описи; 2) перешедших от отца к сыну (в табл. о/с) и от брата к брату (в табл. б/б); 3) образовавшихся в результате раздела старых дворов. Вновь появившиеся дворы «переселенцев» (главы которых перешли из деревни в деревню или пришли из другой вотчины) составляют около 25%. Дворы, исчезнувшие относительно предыдущей описи, составляли 15%.¹⁶³

Если сравнить описи 1638 и 1646 гг., мы наблюдаем обратную картину. Более 70% дворов зафиксировано впервые, что можно объяснить двойко. Во-первых, их можно охарактеризовать как переселенческие.

¹⁶³ Не включены дворы числившихся официально пропавшими.

В таком случае мы сталкиваемся с фактом необъяснимой миграции населения в пределы вотчины Кирилло-Новоезерского монастыря. Во-вторых, можно приписать этот громадный прирост тому, что до этого монастырские власти «утаивали» крестьян. В нашем распоряжении имеются факты, подтверждающие, что жилые деревни записывались как пустоши и, соответственно, реально проживавшие в них крестьяне не учитывались. Однако, как уже говорилось выше, не учтенные в 1626 и 1638 г. деревни Гришкино, Пестово, Ручкино, Стюнкино и Степкино платили все вместе оброк с 1,5 выти, деревня Боранцово — с трети выти. Можно предположить, что в не учтенных в выписи 1626–1627 гг. и в описи 1638 г. деревнях проживало незначительное количество крестьян. И списывать все 70% новых дворов на умышленные и неумышленные ошибки в описях мы не имеем оснований. Вероятно, какая-то часть «новичков» действительно являлась переселенцами. В 50-х гг. XVII в. они составляли менее 15% всех дворов, более 85% составляли дворы «старожильцев». Это демонстрирует большую стабильность населения в вотчине в это время. По нашим подсчетам, в 1638 г. «пропало» 19% глав семей, зафиксированных в 1626 г., в 1646 г. — 19% (по сравнению с 1638 г.), в 1649 г. — 11% (по сравнению с 1646 г.), в 1657 г. — 12% (по сравнению с 1649 г.)¹⁶⁴ (см. Табл. 3). Однако и этим данным нельзя безоговорочно доверять.

Из исчезнувших дворовладельцев нам удалось обнаружить тех, кто переселился в другие деревни вотчины. В 1638 г. из 10 пропавших найден 1; в 1646 г. из 22 — 6, в 1649 из 12 — 3, в 1657 из 14 — 1 (см. Табл. 3 в Главе 1, с. 42 наст. изд.).

Выявленные нами «пропавшие» крестьяне не совпадают с теми людьми, которые официально значатся «збежавшими»¹⁶⁵ в описях. Поэтому попытка проследить реальный процесс ухода крестьян из монастырской вотчины осложняется тем, что принцип фиксации «сшедших» людей в описях не совсем ясен (см. Главу 1).

В монастырской вотчине по выписи 1626–1627 гг. зафиксированы монастырские дворы, составляющие 12% общего количества. В их число условно включены следующие дворы: попа Клементия из деревни Ульяновкин Конец, детеньша Федки Осипова из деревни Стюнкино, детеньша монастырского Левки Андреева, детеньша монастырского Игнашки Аверкина из деревни Ручкин Починок, служки монастырского Сысойки Дмитриева из деревни Якимова, а также монастырский коровий двор детеньша Лучки Васильева из деревни Рожаева.

¹⁶⁴ В расчеты не включены главы семей, «пропавшие» в результате перехода двора от отца к сыну и от брата к брату.

¹⁶⁵ Слова «сшел» и «збежал» в описях употребляются как синонимы.

В последующих описях мы больше не встречаем подобных монастырских дворов, а два монастырских детеныша по выписи 1626–1627 гг. зафиксированы крестьянами в 1638 г.¹⁶⁶ В описях 1649 и 1657 гг. появляется не встречавшаяся ранее категория монастырских бобылей, которые проживали на Великом Селе.

Надо сказать о соотношении крестьянского и бобыльского населения: в 1626 г. — 42% бобыльских дворов, в 1638 их нет, в 1646 — 3%, в 1649 — 6%, в 1657 — 7%. Как видно из приведенных данных, процент бобыльского населения является небольшим, за исключением 1626 г. Однако эти данные 1626 г. в расчет не берутся, так как это очередное искажение информации (см. Главу 1).

По имеющимся источникам невозможно проследить динамику численности населения вотчины Кирилло-Новоезерского монастыря. Однако ряд выводов сделать можно. Население вотчины Кирилло-Новоезерского монастыря почти не пострадало от «литовского разорения». В 30-е гг. XVII в. наблюдается приток населения в вотчину монастыря. В 40-е гг. ситуация стабилизируется. Если еще в 20-е гг. преобладали малодворные деревни, то начиная с 40-х гг. их количество сокращается, составляя не более 50%. Одновременно появляются деревни, в которых было семь и более дворов, что свидетельствует о росте населения вотчины.

---

¹⁶⁶ По материалам приходных книг, что отмечалось нами в начале работы, деревни Ручкино и Стюнкино являлись тяглыми, и их крестьяне Игнашка Аверкиев и Федка Осипов платили оброк как до 1626 г., так и после; наблюдается очередное искажение информации в выписи 1626 г.

93

Въспоминаніи о мѣсяцѣ ноября
 Мѣсяцъ сей такъ и на вѣдѣн
 Ходитъ въ приходахъ рошнѣ днѣ
 Вѣтъ на патрѣ дорѣ вѣдѣн
 тѣ стѣи по потинѣ днѣ съ на прошлѣ
 на рѣ. го.
 Вѣтъ диѣ шнѣ днѣ рѣ днѣ рѣ
 ннѣ сорошнѣ на прошлѣ на рѣ го
 дѣ.
 Вѣтъ днѣ шнѣ ннѣ на ннѣ днѣ
 на по дѣ прошлѣ го тѣ дѣ.
 Вѣтъ то дѣ днѣ на дѣ дорѣ сѣ
 таннѣ на по дѣ на прошлѣ го тѣ по
 тинѣ днѣ днѣ по тинѣ днѣ по дѣ
 Вѣтъ днѣ шнѣ ннѣ на ннѣ по лошнѣ
 днѣ